Двести лет требованию реальной публичной власти

Как снова стали актуальными идеи декабристов

Олег Хархордин , профессор Европейского университета в Санкт-Петербурге, директор центра «Res Publica»

Андрей Гордеев / Ведомости

Коронавирус и поправка Валентины Терешковой заслонили то, что занимало образованную публику в самом начале года. Теперь то время кажется доисторической эпохой.

Январь 2020 г. ознаменовался энергичными дебатами про фильм «Союз спасения» во время в остальном по-обычному ленивых праздников, а потом – неожиданным анонсом 15 января обширных изменений в Конституции. Казалось бы, кто сейчас будет думать об этом? Но референдум по Конституции нас еще ждет, да и дело декабристов может тоже вернуться в фокус нашего внимания. Декабристы хотели конституции и ради нее пожертвовали жизнями, современная же Россия – как утверждают критики перемен в нынешней Конституции – рискует ее потерять.

Декабристы хотели публичной власти как власти просвещенной публики своего времени; проект поправок к нынешней Конституции наконец вводит эту категорию в язык власти, но в совершенно другом смысле. Посмотрим же на детали фильма и на детали предлагаемых поправок.

Сначала про фильм. Я не историк, потому громадное количество ошибок в репрезентации исторической реальности обсуждать не буду. Я также не буду касаться взрывоопасных вопросов, было вооруженное восстание и цареубийство исходной целью декабристов или нет, – ведь царское следствие сконструировало реальность якобы замышлявшегося на декабрь 1825 г. заговора, в основном опираясь на показания, полученные от арестантов под давлением в застенках Петропавловской крепости в 1826 г. Более важно, что движение декабристов укладывалось в общий тренд – мыслящие люди той эпохи готовили перемены, исходя из идеалов классического (античного) республиканизма, которые, правда, сталкивались с новыми условиями жизни в коммерчески ориентированных и бюрократически централизованных обществах Нового времени.

Например, это было столкновение античной тяги к публичности, внимание к которой возродил век Просвещения, с бюрократической секретностью. Выведенные на Сенатскую площадь войска стояли там целый день не потому, что ждали (как в фильме говорит князь Трубецкой) конца светового дня, чтобы гвардия потом бы тайно устранила государя, а так как это был глубоко публичный жест – выйти, как римляне, к Сенату. Целью стояния было публичное требование конституции, а не дворцовый переворот – практика смены властителя в придворном обществе, характерная для предыдущего века. Так был убит Павел I, так был убит Петр III. (Как утверждают историки, некоторые декабристы накануне несли караул в Зимнем дворце и – если бы хотели – могли устранить будущего Николая I.)

Ответом власти стала не только стрельба из пушек в центре европейской столицы (редчайшее для того времени событие), но и намерение забрать у декабристов публичную арену, сделать их трибунами в застенках, где декабристы, как писал Юрий Лотман, не знали, как себя вести. Они знали, как умереть на публике (это

был знакомый им по тысяче любимых текстов античный образец – так, по дороге на Сенатскую Одоевский, позже написавший в Сибири знаменитые строки «Из искры возгорится пламя», восклицал: «Ах, как славно умрем, братцы!»), но сгнить государственными преступниками в безвестности крепостных казематов?.. Без возможности, как Гораций, сказать non omnis moriar! – то, что Пушкин в «Памятнике» перевел как «Нет, весь я не умру», так как памятник после себя оставлю нерукотворный – значимую для многих историю своей жизни?

Власти казалось в 1826 г., что она выиграла. Катонов и Цицеронов, противников тирании и сторонников публичной свободы, записали в кровавые цареубийцы, в Маратов и Робеспьеров. Декабрист Лунин в разборе документов царского следствия не соглашался: наш «великий политический Союз» (что в английской версии своего анализа он переводил как great political Convention, а во французской – grande Convention politique) назвали заговором, но он имел интенцию дать конституцию, как американский Конституционный конвент в 1787 г. или французский Конвент в 1792 г. – и для этого мы 10 лет работали для общего блага, и правительство об этом знало!»

В XX в. советская историография превратила тех, кто хотел дать России конституцию, в неумелых протореволюционеров: декабристы якобы не смогли хорошо организовать вооруженное восстание (не большевики!). И нынешней власти критики режима сразу приписали желание произвольно интерпретировать историю и использовать ее в своих целях – ведь в фильме участники движения декабристов, боевые офицеры, сознательные республиканцы, изображены как жертвы заблуждения, соблазненные западными идеями свободы. Но – и в этом ирония истории! – фильм «Союз спасения» вывел дебаты о декабристах в публичное поле опять. Эта дискуссия потенциально может сделать декабристов публичными героями и для нового поколения, а их тягу к классической республиканской вольности – не быть в воле другого, т. е. в рабстве, под произволом, – публичным идеалом.

Теперь о новой Конституции России 2020 г. Там упоминается «единая система публичной власти», под которой понимается объединение органов

государственной власти и формально независимых от нее органов местного самоуправления (МСУ). Социологи (см. например, «Ведомости» от 24.01.2020) могут видеть в этом угрозу, подчинение органов МСУ централизованному госуправлению. Но сам термин «публичная власть» включает в себя по Конституции три возможности – осуществление народом России своего суверенитета непосредственно (через голосование и референдумы) или через органы госуправления и органы МСУ.

Потому в термине «публичная власть» таится и другая возможность – он может быть интерпретирован не технократически, а политически, точнее – по-полисному, как этот термин понимали греки и римляне или такие борцы с тоталитаризмом XX в., как Ханна Арендт. Мы знаем из такого классического республиканизма, что голосование на выборах или на референдуме не есть для гражданина средство достижения свободы, если он не принимал реального участия в обсуждении тех правил, по которым ему предстоит жить. Например, как писал еще Руссо, английский народ теряет свою свободу, как только избирает своих депутатов на следующие пять лет. Многие декабристы во время следствия упоминали, что именно из книг Руссо они впервые почерпнули идеи республиканского вольнодумства.

Сейчас, когда добавление поправок к Конституции проведено как спецоперация, трудно надеяться, что требования дать народу реальные шансы непосредственно принимать участие в обсуждении тех правил, по которым он собирается жить, будут реализованы в ближайшем будущем. Но новый термин «публичная власть» может стать ориентиром для таких перемен. Публичная власть не есть власть государства. Как думали декабристы, это власть просвещенной публики. Мы добавим – это власть истинно публичной политики и публичных политиков, а не тайных спецопераций. Утвердить ее – вот задача, стоящая перед Россией.